Костя Федорович

Акварели книга первая

18+

Костя Федорович

Акварели книга первая

https://litres.ru/74676242
SelfPub; 2026

Аннотация

Он — провинциальный учитель и поэт: тихий, внимательный, умеющий слышать тишину.

Она — богатая художница, замужняя, привыкшая к чужим правилам и чужим приказам.

Их познакомила и связала акварель осени: туман над озером, сероголубой мазок, алый зонт как точка в композиции.

А клёкот журавлиного клина стал пророчеством: «Вот и ты так улетишь в дальние края».

Пока он учится верить, что эта встреча — не случайность, её мир сжимается: странные сообщения, чужой контроль, приказ вернуться.

И когда телефон звонит, осень заканчивается. Остаётся только вопрос: можно ли удержать тот самый мазок, если ветер уже срывает краски?

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 18
Глава 5 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Акварели книга первая

Посвящается лучшим: Светлане и Любе.

Автор

Глава 1

Сергей, как всегда, проснулся рано. Сел на кровати, потянулся, надел тапочки и пошёл умываться.

Зайдя в ванную, он посмотрел в зеркало. Оттуда на него смотрел мужчина тридцати семи лет: волнистые каштановые волосы почти до плеч, слегка вытянутое лицо с впалыми щеками, крупноватый нос с небольшой горбинкой, под которой виднелись аккуратные, слегка рыжеватые усики. Узкие губы, ямочка на гладко выбритом подбородке, серые глаза из-под густых бровей. Впрочем, без очков лицо казалось чуть чужим: с детства слабое зрение сделало их не просто аксессуаром, а частью его образа — как и любовь к книгам, которая годами укладывалась в эту тихую привычку.

Он принял контрастный душ, побрился и подровнял усы, позавтракал и, одевшись, вышел из дома. Осень уже плотно вошла в город: воздух был прозрачным и холодным, будто вымытым ночным дождём. Сергей шёл и почти радовался тому, что завтра начинаются каникулы. В этой короткой передышке виделось что-то честное: можно будет не прятать усталость за педагогическими формулировками и просто побыть собой.

Сергей Павлович Чернов преподавал русский язык и литературу в средней школе одного из областных центров Европейской части России. Город был его родным: здесь он ро-

дился и вырос, окончил школу и пединститут, занимался волейболом, встречался с девушками, женился, развёлся и похоронил отца, с которым был очень близок. Вся эта жизнь уместилась в знакомые улицы, дворы и подъезды — и оттого казалась одновременно и большой, и очень тесной.

В последний день четверти уроков как таковых не было: только небольшое собрание в актовом зале и скромный, так сказать, банкет в учительской.

На банкете к Сергею, как обычно, начала проявлять внимание Элеонора Михайловна, учительница немецкого языка. Она была немного моложе его, приятной наружности, разведённая, одна воспитывала дочь-подростка. У них уже случилась, как он сам считал, небольшая интрижка. Но для Эли это «небольшое» давно перестало быть таковым: она смотрела на него так, будто в этом взгляде уже была расписана их общая жизнь. Сергея Павловича тяготило это настойчивое внимание, которое плавно переходило в навязчивость. Он не хотел ни ранить её, ни врать себе, что всё идёт как надо.

Итогом этого тихого диссонанса стал короткий разговор — вернее, выяснение отношений, — которое случилось в его кабинете. Сергей зашёл за портфелем, а следом за ним, слегка захмелевшая от игристого вина, вошла Эля. Она попыталась приласкаться, но он довольно прохладно отстранился.

— Эля, давай без этого. Я сейчас не в том настроении.

— Да какое настроение, Серёжа, мы же взрослые люди. А

ты мне тут сказки рассказываешь.

— Вот именно. Взрослые люди не делают того, после чего бывает неловко.

Она усмехнулась, но в глазах мелькнуло понимание — и тут же сменилось обидой.

— То есть? Что именно тебе неловко? Ещё пару дней назад всё было очень даже ловко, а сегодня уже нет? Ты что, меня мягко отшил?

— Не отшил, а честно сказал. Мне сейчас важно другое. И я не хочу, чтобы из-за меня тебе было плохо.

— Ну да, конечно, ты же у нас поэт — натура ранимая! — практически с издёвкой, довольно громко сказала она. — Неловко ему, боится он плохо сделать.

Сергею стало отчётливо ясно: Эля хочет скандала, хочет, чтобы он либо сдался, либо громко подтвердил разрыв. Он попытался сгладить надвигающуюся бурю:

— Эля, давай спокойно поговорим. Мне думается, нам нужно расстаться. Тихо-мирно разойдёмся, как в море корабли.

— Ха! Значит, поморосил и бросил, поэтишка! А какие трели пел — прям соловей-соловушка! Nahtigal (соловей, нем.), недоделанный! Гёте долбанный! — она чуть повысила голос, будто хотела, чтобы её услышали за дверью.

Сергей чуть поморщился, но не стал отвечать на крик.

— Я не врал, а, скажем так, поторопился. Прости, я не хотел сделать тебе больно.

— А вышло-то всё как раз больно, — с горечью и чуть дрогнувшим голосом сказала она.

Он заметил, что она вот-вот расплачется, и протянул ей носовой платок.

— Да пошёл ты! — она резко отвернулась, смахнула набежавшую слезинку и вышла из класса, громко хлопнув дверью.

Сергей грустно и в то же время с облегчением вздохнул.

— Вот уже и с Гёте сравнили, правда, в негативном ключе, — усмехнулся он. — Лиха беда начало…

Он немного задумался и, словно что-то вспомнив, тихо произнёс:

— Слова разбросаны, как старые монеты,
И смысла в них сегодня не найти.
С осенней грустию прощаются поэты,
Наверно, с нею мне отнюдь не по пути.

Глава 2

Сергей взял портфель и, закрыв класс, вышел из школы. Школьный двор был пуст, только осенний ветерок гонял по асфальту опавшую листву, шуршащую, как старые письма.

Несмотря на конец октября, день стоял тёплый. Но по прогнозу обещали дождь, и Сергей предусмотрительно надел плащ, а в портфель положил зонт. Домой он не пошёл — решил прогуляться по городской набережной. Школа, где он когда-то учился, а теперь преподавал, стояла почти в центре города, и до набережной было рукой подать.

На набережной было немноголюдно: лишь пенсионеры да редкие парочки неспешно прогуливались вдоль воды. Время едва перевалило за три.

Сергей шёл и вдыхал прохладный осенний воздух. В нём смешивались запах жухлой листвы, сырости и едва уловимой горечи остывающего города. Осень — прекрасная пора. На душе у него было спокойно, и эта тишина отзывалась лёгкой грустью: спокойствие — от чистой совести, а грусть навевала сама осень. И стихи сами собой складывались в голове, хотя он и не пытался их запоминать.

Когда-то он и правда думал рифмами, сам того не замечая. Обыденные мысли будто сами рифмовались, и это стало просачиваться в речь. Когда окружающие начали это замечать, Сергей решил, что перебор. Он стал сознательно тор-

мозить поток слов, укрощать эту привычку, и в конце концов ему удалось избавить себя и других от постоянного стихотворчества, напоминавшего бытовые диалоги в духе шекспировских пьес. Но стихи он не забросил. Они стали для него чем-то вроде любимого инструмента: ты знаешь, что он у тебя есть, и достаёшь его только по желанию или необходимости.

Так он и шёл вдоль реки, величаво и размеренно несущей свои тёмные воды. Прогулка была неспешной, задумчивой. Почти в самом конце набережной Сергей остановился у лавочки под большим дубом, будто покрытым червлёным золотом, и протёр очки.

На краткий миг в стёклах отразилось небо, которое начинало резко хмуриться. И вдруг взгляд резануло ярко-алое пятно — женская широкополая шляпа. Он обернулся и увидел её.

— Хм, художница… Что она здесь делает? Обычно они размещаются не здесь, а на излучине реки или возле старинной церкви, — чуть слышно пробормотал Сергей.

Он надел очки, присел на лавочку и стал наблюдать за изящными взмахами её рук, за тем, как уверенно ложатся на холст мазки. Чем дольше он смотрел, тем сильнее его тянуло к этой фигуре, к этому алому пятну в сером дне. Место для наблюдения было удачным: он видел её отчётливо, а ей, казалось, не было дела до случайного зрителя.

Первое, что бросилось в глаза, — огненно-рыжие волосы,

длинные и распущенные, мягко струившиеся почти до крутых бёдер. Над ними плыла ярко-алая шляпа. Фигура была подчёркнута потёртыми джинсами, плотно облегавшими бёдра; они были заправлены в такие же алые, короткие, но элегантные сапожки.

Лишь приблизившись, Сергей уловил едва заметный тонкий аромат дорогого парфюма. Он смешивался с запахами осени и красок и казался ему ароматом самой Каллирои (греч. «прекраснотекущая»).

Особенно притягивали взгляд её руки: красивые, с тонкими запястьями и словно выточенными из мрамора кистями — нежные, но рабочие, перемазанные краской, привыкшие к кисти и холсту. Сергей, сам того не замечая, затаил дыхание, наблюдая за чудом творения: прямо на его глазах нарисованный мир наполнялся цветами и красками.

И лишь немного спустя он обратил внимание на сам сюжет картины. Холст был словно собран из всех оттенков этого дня. Почти всю верхнюю часть занимало серое небо — плотное, тяжёлое, будто готовое пролиться дождём. Но в одном углу оставалась тонкая щель, и сквозь неё пробивался яркий луч. Он касался кромки воды и на секунду делал тёмную реку золотой.

По воде плыли опавшие листья — рыжие, медные, янтарные. Они не лежали ровно, а будто слегка кружились, цепляясь друг за друга. В воде их отражения были чуть бледнее, словно уже начинали растворяться. Художница не прорисо-

вывала каждый лист до конца: она оставляла края размытыми, и от этого казалось, что листья движутся прямо на глазах.

Вдоль берега тянулась набережная — не чёткой линией, а полупрозрачными штрихами, будто город сам растворялся в осенней дымке. В этом смешении воды, неба и света было что-то очень честное: не приукрашенная красота, а настоящая, с холодом и ветром, но с одним тёплым пятном, которое не давало всему стать совсем серым.

Он чуть помедлил, собираясь с духом, и тихо произнёс:

— Простите, не смог удержаться… Стихи сами пришли.

Не только настроение и цвет рисуют эти руки дивной красоты —

Они, как лучик света, дарят нам надежду.

Сергей выдохнул и спросил:

— Вы кто? И где научились видеть мир вот так — до самой глубины?

Глава 3

Теперь, когда она повернулась, Сергей смог разглядеть её целиком — и понял, почему не мог отвести взгляд.

Ей было лет тридцать, не больше. Миниатюрная, почти хрупкая, но в этой хрупкости не было беззащитности: чувствовалась собранность человека, который привык подолгу стоять на одном месте и не уставать. Длинные ноги и плавные, выразительные изгибы фигуры словно спорили с её небольшой статью — в этом контрасте была особенная женственность.

Лицо у неё было живое, без нарочитой правильности: аккуратный прямой носик, пухлые губы, подчёркнутые алой помадой, и большие серо-голубые глаза. В них читалась не просто смелость, а привычка смотреть прямо, не отводя взгляда, будто она оценивала не собеседника, а свет и тень на его лице. В маленьких розовых ушках поблескивали изящные серьги из белого золота — тонкие, но запоминающиеся, как деталь, которую замечаешь не сразу.

— О, да вы, как я слышу, поэт, — обернувшись к Сергею, чуть насмешливо произнесла она. Но в насмешке не было колкости — скорее привычная ирония человека, к которому часто пристают с разговорами. Она скользнула взглядом по нему — не оценивающе, а будто собирала детали для будущего портрета: как он держит плечи, как чуть наклоняет го-

лову. — Или я ошибаюсь?

— Да, вы в некотором роде угадали. Я иногда, правда, в последнее время довольно редко, слагаю стихи. Но это скорее хобби. А почему вы здесь… рисуете? — Сергей запнулся, поймав себя на ошибке.

— Не рисую, а пишу, — спокойно поправила она. — В нашей семье всегда говорили: «Художник не украшает, он ловит». А этот луч… он исчезнет через пять минут. Если не успеть, его уже не вернуть.

И она снова повернулась к мольберту. Пальцы привычно смешали на палитре охру и немного белил — она искала тот самый оттенок, который держался ровно эти пять минут и потом растворялся вместе с солнцем. При этом она не закрылась от Сергея, не ушла в работу полностью — просто продолжала говорить, будто разговор был частью процесса, как кисть и краски.

— А здесь я потому, что мне просто так захотелось. Я предпочитаю сама выбирать, где, как и что мне писать.

Сергей чуть улыбнулся — ему понравилась эта спокойная твёрдость.

— Вполне нормальное желанье и стремленье — себе дорогу выбирать и путь, друзей, подруг и многое другое… Вот лишь зов сердца и любовь с судьбой нам выбрать не дано, — он запнулся, будто сам удивился тому, что сказал, и тут же добавил, чуть смущённо: — Простите. Само сложилось. Вы на меня странным образом действуете: стихи сами слетают

с губ.

Он сделал короткую паузу, собираясь с духом, и тихо, почти про себя, проговорил:

— Вот лишь зов сердца и любовь с судьбой нам выбрать не дано.

Она наконец подняла глаза от палитры. В её взгляде не было ни насмешки, ни кокетства — только искреннее любопытство.

— Значит, я не одна тут ловлю моменты, — тихо сказала она и чуть наклонила голову, будто примеряя его слова к картине. — Только вы ловите их словами, а я — красками. И знаете… этот луч действительно уходит. Ещё пара минут, и он станет совсем другим.

Она сделала быстрый, уверенный мазок, будто закрепила свет, пока он ещё был таким.

— Прошу прощения, — будто опомнившись, чуть смущённо сказал он. — Позвольте представиться. Сергей… Сергей Павлович Чернов. Преподаватель русского языка и литературы в местной школе. Кстати, она здесь совсем рядом.

— Ванда, — просто представилась женщина и, вытерев тряпочкой испачканные краской руки, протянула правую ему. — Теперь мне понятно, почему в вас иногда проскальзывает старомодная манера речи.

— Издержки производства, так сказать, — усмехнувшись, сказал Сергей, поправляя очки.

Небо над набережной потемнело ещё сильнее, а ветер стал резче — будто сама природа нарочно подгоняла их закончить разговор.

— Погода портится, да и достаточно на сегодня… Сергей, вы мне поможете донести до машины мой скарб?

Он вдруг понял, что не хочет расставаться с ней. И, не успев даже подумать, будто сам себя опережая, произнёс:

— Ванда, давай перейдём на «ты».

— Ты спросил, не спросясь, и сразу перешёл на «ты», — весело рассмеявшись, будто продекламировала она. Смех у неё журчал, как весенний ручеёк, пробивающийся сквозь прошлогоднюю листву.

Она быстро собрала мольберт и отдала его Сергею. Он повесил его на плечо и галантно предложил взять его под руку.

Тем временем начал накрапывать холодный осенний дождь, и ветер заметно усилился. Пара прибавила шаг. Вдруг Сергей резко остановился и, хлопнув себя ладонью по лбу, с досадой произнёс:

— Вот я недотёпа! У меня же есть зонт!

Попросив Ванду подержать портфель, он достал небольшой складной зонт, раскрыл его и протянул ей:

— Держи. А то намочишь ещё свою модную шляпу.

Только она успела взять зонт, но даже не успела поднять его над головой, как внезапный порыв ветра вырвал его из её руки. Кружась в вихре воздуха, зонт полетел прямо к реке. Ванда только и успела охнуть и прижать рукой шляпу, чтобы

её не унесло вслед за ним.

К счастью, неподалёку стоял небольшой ресторанчик. Не обращая внимания на потерю, Сергей решительно направился туда. Ванде ничего не оставалось, кроме как последовать за ним — она по-прежнему крепко держала его под руку.

Обогнув стоявший на пути красный автомобиль, похожий на спортивный, они зашли в почти пустой зал. Сергей вежливо предложил даме присесть за столик у окна с видом на реку. Ванда с удовольствием села, а потом, посмотрев в окно, показала миниатюрным пальчиком на реку и с восторгом воскликнула:

— Смотри, наш зонт!

Глава 4

— Наш зонт унёс осенний ветер.

Ну что ж? Не будем горевать о нём.

Ведь мы сегодня рядом, вместе.

И что же этот вечер обещает нам?..

А что нам обещает этот вечер, Ванда? — Сергей чуть наклонил голову, будто сам прислушивался к тому, как звучит эта строчка, и тут же смущённо улыбнулся. — Я хочу тебя чем-нибудь угостить из местного меню. Дело в том, что я давно знаком с хозяйкой этого заведения — можно сказать, это домашний ресторанчик. Хозяева живут прямо над нами, на втором этаже. Может, ты голодна? Тётушка Наира прекрасно готовит. Или чай? Он здесь очень вкусный — с травами. А может, вина или чего покрепче?

— Я за рулём, поэтому от покрепче откажусь, — мягко сказала Ванда. — А чашечку кофе с каким-нибудь пирожным с удовольствием… А ты, если хочешь, и чего покрепче себе возьми.

— Ванда, алкоголь я вообще не пью: во хмелю я не в форме, да и развозит меня быстро. А где ты машину-то оставила? Надеюсь, не под деревом? Ветер что-то сильный поднялся. Да и по прогнозу обещали ливень и шквалистый ветер.

— Машина моя недалеко — почти у входа стоит, мы ж её обходили только. Не заметил? Красненькая такая. А дере-

вьев там нет. Ветками не накроет.

Сергей посмотрел в окно, прищурился, будто только сейчас по-настоящему разглядел эту яркую точку у набережной, и удивлённо спросил:

— Это твоя? Она же стоит… я даже не знаю сколько.

— И я не знаю, — чуть помолчала Ванда, словно решая, стоит ли говорить. А решив, добавила: — Подарок тестя. На юбилей свадьбы с его сыном. Да, Серёжа, я замужем уже больше пяти лет.

И она спокойно показала ему левую руку с очень красивым кольцом из белого золота: тонкая филигрань, один чистый бриллиант, будто капля света.

Сергей замер на мгновение, потом тихо, почти про себя, произнёс:

— Так кольцо на левой руке… Значит, ты разведена.

Ванда чуть улыбнулась — не насмешливо, а так, будто привыкла объяснять эту деталь:

— Это в России кольцо на левой руке носят разведённые. А я вышла замуж в Италии. Там так принято…

А за окном дождь ударил по стёклам частой дробью, и зал будто стал уютнее, тише, словно город снаружи нарочно старался оставить их здесь, внутри, наедине с этим разговором.

Тут к их столику подошла немолодая, но удивительно живая армянка — хозяйка ресторанчика.

— Здравствуй, Серёженька! — приветливо, почти по-родственному поприветствовала она Сергея и тут же, чуть на-

клонив голову, внимательно рассмотрела Ванду. Потом восхищённо цокнула языком и сказала: — Роскошный цветок! И чем же таким вкусным мне вас накормить?

Они заказали кофе с пирожными и просто тихо разговаривали о разном: о поэзии и живописи, об Италии и Петербурге — в общем, о многом. Они и сами не заметили, как стемнело, и зажёгся жёлтый свет уличных фонарей, лёгкими кругами расплываясь по мокрой набережной.

А потом на маленькую сценку в углу ресторанчика вышел совсем юный скрипач — ещё подросток, худенький, в слегка великоватом пиджаке. Он на секунду замер, будто прислушиваясь к себе, поднял смычок — и заиграл.

Мелодия удивительным, чудным звучанием будто укутала их, стала частью вечера: она звучала точно в тон осеннему дождю за окном, в тон этому уютному ресторанчику на берегу реки, в тон их тихому разговору, который ещё не успел стать слишком важным, но уже был по-особенному нужным.

Сергей, повинуясь какому-то внутреннему порыву, взял её руку и нежно поцеловал. Не как в пылких романах, не с пафосом, а так, будто хотел сказать без слов: «Ты настоящая. Ты здесь. И этот вечер — настоящий».

А потом они медленно танцевали под звуки скрипки, почти не двигаясь, скорее покачиваясь в этом тихом ритме. И им обоим хотелось, чтобы этот вечер не кончался — чтобы дождь стучал по стёклам, чтобы мелодия не обрывалась, чтобы можно было просто стоять вот так, рядом, и чувствовать,

что мир на минуту стал чуть добрее.

— Как чуден этот вечер был,
Лучом он холст позолотил.
Ты ловишь свет, я — слова стих,
И звуки скрипки сплетут их.

Глава 5

Так совсем незаметно для них пролетел этот волшебный вечер. Сергей встал и подошёл к тётушке Наире — она всё ещё стояла за баром: ведь, кроме них с Вандой, посетителей в ресторанчике уже не было. Он тихо о чём-то поговорил с хозяйкой, достал портмоне, вынул несколько купюр и положил их на стойку.

Наира что-то быстро залопотала, смешивая русские и армянские слова, и попыталась вернуть Сергею часть денег, но он настойчиво отодвинул их назад и чуть наклонил голову — мол, не обижай, я хочу отблагодарить.

Когда пара, сердечно поблагодарив гостеприимную хозяйку, уже вышла на улицу, вслед за ними поспешила Наира с небольшим свёртком в руках. Протянув его Ванде, она улыбнулась:

— Держи, красавица. Это горный миндаль — мне его с родины прислали. Покушаешь его на досуге, он очень полезный. А ты, Серёженька, если проголодаетесь — ты же знаешь, я всегда рада гостям. Ну а если самим идти лень или некогда, ты номер мой знаешь: кто-нибудь из внуков заказ куда надо принесёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.